

ПОЛИТИКА СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ ЯПОНИИ В АФРИКЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫЗОВЫ

Тимохова Екатерина Григорьевна

Аспирант, Московский Государственный

Лингвистический Университет

timokhova.catherine@yandex.ru

JAPAN'S INTERNATIONAL DEVELOPMENT ASSISTANCE POLICY IN AFRICA: RESULTS AND CHALLENGES

E. Timokhova

Summary: This article analyzes Japan's international development assistance policy in Africa in the 21st century within the framework of the Tokyo International Conference on African Development (TICAD). The relevance of this study stems from the growing geopolitical and economic importance of the African continent, intensifying competition between global and regional powers for influence in Africa, and the need to rethink traditional approaches to international development in the face of new challenges—climate change, digital transformation, and post-pandemic recovery. The article examines the evolution of Japan's strategy on the African continent and the main areas of development assistance, including infrastructure projects, human capital development, and technology transfer. Particular attention is paid to competition with other external players, primarily China, India, and the Gulf states. It analyzes the comparative advantages of the Japanese "kaizen" model, which focuses on quality, institutional development, and sustainability, as well as structural constraints: financial capacity, private sector conservatism, corruption, and political instability in African countries. The author concludes that Japan's strategy needs to be adapted with a focus on the digital economy, climate adaptation, and increased coordination between government programs and businesses to enhance the competitiveness of Japan's presence in Africa.

Keywords: Japan, international aid, African development, economic cooperation, socioeconomic growth, investment policy, foreign policy, competition, security, cooperation.

Аннотация: Статья посвящена анализу политики содействия международному развитию Японии в Африке в XXI веке в рамках механизма ТИКАД (Токийская международная конференция по развитию Африки). Актуальность исследования обусловлена растущей геополитической и экономической значимостью африканского континента, обострением конкуренции между глобальными и региональными державами за влияние в Африке, а также необходимостью переосмысления традиционных подходов к международному развитию в условиях новых вызовов — климатических изменений, цифровой трансформации и постпандемийного восстановления. Рассматриваются эволюция японской стратегии на африканском континенте, основные направления помощи развитию, включая инфраструктурные проекты, развитие человеческого капитала и передачу технологий. Особое внимание уделяется конкуренции с другими внешними игроками, прежде всего Китаем, Индией и странами Персидского залива. Анализируются сравнительные преимущества японской модели «кайзен», ориентированной на качество, институциональное развитие и устойчивость, а также структурные ограничения: финансовые возможности, консервативность частного сектора, коррупция и политическая нестабильность в африканских государствах. Автор делает вывод о необходимости адаптации японской стратегии с акцентом на цифровую экономику, климатическую адаптацию и усиление координации между правительственными программами и бизнесом для повышения конкурентоспособности японского присутствия в Африке.

Ключевые слова: Япония, международная помощь, развитие Африки, экономическое сотрудничество, социально-экономический рост, инвестиционная политика, внешняя политика, конкуренция, безопасность, сотрудничество.

Введение

Африканское направление японской внешней политики приобрело особую актуальность в пост-биполярный период, когда Токио начал активно позиционировать себя в качестве глобального игрока в сфере содействия международному развитию [1]. Предметом данного исследования является политика Японии в области официальной помощи развитию (ОПР) африканским государствам в период с 1993 по 2024 год. Хронологические рамки обусловлены началом функционирования Токийской международной конференции по развитию Африки (ТИКАД) как основного механизма японо-африканского взаимодействия и современным этапом трансформации глобальной архитектуры помощи развитию [2].

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, возрастающее геополитическое и экономическое значение африканского континента в условиях глобальной конкуренции великих держав. Во-вторых, трансформация японской внешней политики в сторону более активного глобального участия, включая сферу безопасности. В-третьих, необходимость осмысления эффективности альтернативных моделей содействия развитию в условиях усиления китайского присутствия в Африке. Цель статьи – проанализировать достижения японской стратегии содействия развитию на африканском континенте и выявить ключевые вызовы, с которыми сталкивается Токио в реализации данного курса.

Институционализация японо-африканского сотруд-

ничества. Качественный поворот в отношениях Японии со странами Африки произошел после Второй мировой войны, когда африканский континент стал рассматриваться как источник сырьевых ресурсов и перспективный рынок сбыта. Нефтяные кризисы 1973 и 1979 годов усилили стратегическое значение африканских поставщиков углеводородов для энергетической безопасности Японии [3].

Однако системный характер взаимодействия приобрело лишь в начале 1990-х годов. Распад биполярной системы создал для Японии возможность расширить своё присутствие в регионах, ранее находившихся в сфере влияния сверхдержав. Африканские государства, составляющие значительную часть членов Генеральной Ассамблеи ООН, превратились в важную составляющую японской дипломатической стратегии, включая претензии на постоянное членство в Совете Безопасности ООН.

В этом контексте инициирование в 1993 году конференции ТИКАД стало стратегическим решением, направленным на институционализацию японского присутствия в Африке. Первая конференция собрала представителей 48 африканских государств и определила основные принципы японо-африканского партнерства: диалог на равных, национальная ответственность африканских стран за развитие и мобилизация международной поддержки [4].

За три десятилетия функционирования механизма ТИКАД Япония последовательно наращивала объемы финансовой помощи. На конференции ТИКАД V в 2013 году Япония обязалась предоставить 32 миллиарда долларов помощи в период 2013-2017 годов, а ТИКАД VI в Найроби (2016) представила инвестиционный пакет в 30 миллиардов долларов на период 2016-2018 годов [5].

Япония концентрировалась на развитии транспортной и энергетической инфраструктуры, модернизации систем здравоохранения и образования, повышении продовольственной безопасности. В отличие от китайского подхода, японская стратегия делала акцент на передаче технологий, развитии человеческого капитала и укреплении институциональных возможностей африканских государств.

Измерение безопасности в японской стратегии. Специфическим направлением японской политики в Африке стало участие в миротворческих операциях, что представляет особый интерес с учетом конституционных ограничений военной деятельности Японии. Статья 9 японской конституции, принятой в 1947 году, запрещает создание «сухопутных, морских и военно-воздушных сил, равно как и других средств ведения войны», что на протяжении десятилетий ограничивало возможности Токио в сфере международной безопасности [6]. Одна-

ко постепенная переинтерпретация конституционных норм создала правовую основу для участия Сил самообороны в международных операциях под эгидой ООН.

Кризис в Южном Судане, начавшийся в декабре 2013 года как внутривластное противостояние между президентом Сальвой Кииром и его бывшим заместителем Риеком Машаром, быстро трансформировался в масштабный гуманитарный кризис, вызвавший перемещение более двух миллионов человек. Этнический компонент конфликта между народами динка и нуэр усугубил ситуацию, приведя к массовым насильственным действиям и разрушению инфраструктуры молодого государства, получившего независимость в 2011 году [7].

Япония направила около трехсот военнослужащих Сил самообороны в состав миссии ООН в Южном Судане (UNMISS), где они осуществляли строительство инфраструктурных объектов и поддержание коммуникаций. Японский контингент занимался восстановлением дорог, строительством мостов и обеспечением водоснабжения в столице Джубе и прилегающих районах. Это участие стало крупнейшим развертыванием японских военнослужащих за рубежом со времени создания Сил самообороны в 1954 году.

Принятие японским парламентом в 2016 году законодательных поправок, расширивших полномочия Сил самообороны в рамках миротворческих операций и закрепивших право на коллективную самооборону, отразило эволюцию японского подхода к обеспечению безопасности. Новое законодательство, получившее название «Закон о мире и безопасности», разрешило японским военнослужащим использовать оружие для защиты иностранных военных и гражданских лиц, находящихся под совместной защитой. Это стало качественным изменением мандата японского военного присутствия за рубежом [8].

Для африканского направления это означало возможность более активного участия Токио в стабилизации конфликтных ситуаций, хотя масштабы японского военного присутствия остаются ограниченными по сравнению с традиционными участниками миротворческих операций – Индией, Пакистаном, Бангладеш и африканскими государствами. Тем не менее, опыт Южного Судана продемонстрировал готовность Японии использовать инструменты жесткой силы для защиты своих интересов и поддержки международной безопасности в регионах приоритетного присутствия.

Вывод японского контингента из Южного Судана в 2017 году был обусловлен ухудшением обстановки безопасности и внутривластическими дебатами о рисках для японских военнослужащих [9]. Однако сам факт многолетнего присутствия заложил основу для будущего уча-

ствия Японии в африканских миротворческих операциях. Кроме того, Япония активизировала вклад в борьбу с пиратством у берегов Сомали, направив корабли морских Сил самообороны в район Аденского залива и создав военную базу в Джибути в 2011 году – первую зарубежную военную базу послевоенной Японии.

Конкурентные вызовы японской стратегии. Основным вызовом для японской политики содействия развитию в Африке стала интенсификация китайского присутствия на континенте. Китайско-африканский товарооборот вырос с 10 миллиардов долларов в 2000 году до более чем 200 миллиардов долларов к 2020 году, многократно превысив масштабы японо-африканской торговли [10].

Форум китайско-африканского сотрудничества (FOCAC), созданный в 2000 году, стал альтернативным механизмом взаимодействия, предлагающим африканским партнерам значительно большие финансовые ресурсы. На Пекинском саммите FOCAC в 2018 году Китай объявил о выделении 60 миллиардов долларов на развитие Африки. Включение африканских государств в инициативу «Один пояс, один путь» создало системную альтернативу японской модели сотрудничества. К 2024 году более 40 африканских государств подписали меморандумы о взаимопонимании в рамках этой инициативы [11].

Японии приходится конкурировать не только в финансовом измерении, но и в сфере привлекательности моделей развития. Китайский подход, ориентированный на быструю реализацию крупных инфраструктурных проектов без жестких условий в области управления и прав человека, находит отклик у африканских элит. Япония же традиционно делает акцент на качестве управления, устойчивости проектов и социальных стандартах, что требует более длительных сроков реализации. Помимо китайской конкуренции, Япония сталкивается с растущим присутствием других азиатских игроков — Индии, Турции, Южной Кореи и стран Персидского залива [12].

Структурные ограничения и адаптация стратегии

Эффективность японской помощи развитию сталкивается с системными проблемами африканских государств: коррупцией, слабостью институтов и политической нестабильностью. По данным международных организаций, африканские страны ежегодно теряют десятки миллиардов долларов из-за коррупции и незаконных финансовых потоков [13].

Реализация инфраструктурных проектов часто затягивается из-за бюрократических препятствий. Япония, в отличие от некоторых других доноров, настаивает на со-

блюдении процедурных стандартов и прозрачности, что в условиях слабого государственного управления создает дополнительные трудности.

Политическая нестабильность создает риски для долгосрочных проектов развития. Военные перевороты в Мали (2020, 2021), Гвинее (2021), Буркина-Фасо (2022), Габоне (2023) и Нигере (2023) продемонстрировали хрупкость политических систем в регионе. Вооруженные конфликты в Сахеле, зоне Великих Африканских озер и районе Африканского Рога угрожают безопасности японских специалистов и устойчивости реализуемых проектов [14].

Демографические и экономические трансформации африканского континента требуют от Японии пересмотра приоритетов содействия развитию. Быстрый рост населения, интенсивная урбанизация и структурные сдвиги в экономике меняют потребности африканских партнеров. Население Африки увеличилось с примерно 630 миллионов человек в 1990 году до более 1,4 миллиарда к 2024 году, и прогнозы ООН предполагают рост до 2,5 миллиардов к 2050 году [15].

Нигерия, население которой увеличивается примерно на два процента ежегодно и превысило 220 миллионов человек, демонстрирует типичные вызовы растущей нагрузки на городскую инфраструктуру и социальные службы. Лагос, крупнейший город Африки с населением более 15 миллионов человек, сталкивается с острым дефицитом жилья, транспортным коллапсом и недостаточным водоснабжением. Подобные проблемы характерны для Каира, Киншасы, Джайоханнесбурга и других мегаполисов континента.

Японская стратегия должна учитывать эти трансформации, переориентируясь на поддержку устойчивого городского развития, создание рабочих мест для молодежи и содействие диверсификации экономики. Молодежный бум в Африке – более 60% населения континента моложе 25 лет – создает одновременно возможности и риски. При правильной политике молодое население может стать двигателем экономического роста, но неспособность создать достаточное количество рабочих мест грозит социальной нестабильностью [14].

Япония начала адаптировать свои программы к этим вызовам. Инициатива «Партнерство Японии с Африкой на устойчивое и стабильное развитие» (IPPAS), представленная на ТИКАД VII в 2019 году, акцентировала внимание на «качественной инфраструктуре», цифровой трансформации и развитии человеческого капитала. Токיו стал больше инвестировать в образовательные программы, включая инициативу «Африканский институт бизнеса и образования для молодежи» (ABE Initiative), направленную на обучение африканских студентов и молодых специалистов в Японии с последующим трудо-

устройством в японских компаниях, работающих в Африке.

Климатические изменения добавляют еще один уровень сложности. Засухи в регионе Сахель, наводнения в Восточной Африке, повышение уровня моря, угрожающее прибрежным городам, требуют включения климатической адаптации во все проекты развития. Япония, обладающая передовыми технологиями в области возобновляемой энергетики и устойчивого управления ресурсами, может предложить африканским партнерам эффективные решения, но это требует дополнительных инвестиций и политической воли.

Экономическое измерение и частный сектор. Одним из ключевых вызовов японской африканской стратегии остается ограниченное участие частного сектора. В отличие от Китая, где государственные компании активно осваивают африканские рынки при поддержке правительства, японский бизнес демонстрирует осторожность в отношении африканских инвестиций. Прямые иностранные инвестиции Японии в Африку составляют лишь около 1% от общего объема японских ПИИ, значительно уступая инвестициям в Азию, Северную Америку и Европу [15].

Японские компании озабочены рисками, связанными с политической нестабильностью, слабой правовой защитой инвесторов, недостаточной инфраструктурой и ограниченными размерами местных рынков. Даже крупные корпорации, такие как Toyota, Mitsubishi или Marubeni, ограничивают африканское присутствие определенными секторами и географическими нишами. Большинство японских малых и средних предприятий вообще не рассматривают Африку как приоритетное направление.

Правительство Японии предпринимает усилия по стимулированию частного сектора через механизмы государственно-частного партнерства и финансовые гарантии. Японский банк международного сотрудничества (JBIC) и Японское агентство страхования торговли Nippon Export and Investment Insurance (NEXI) предоставляют инструменты снижения рисков для компаний, выходящих на африканские рынки. Кроме того, в рамках ТИКАД созданы специальные платформы для содействия бизнес-диалогу между японскими и африканскими предпринимателями [12].

Однако результаты этих инициатив остаются скромными по сравнению с динамикой китайского бизнес-присутствия. Структурные факторы – консервативная корпоративная культура японских компаний, языковые барьеры, недостаток знаний об африканских рынках – продолжают сдерживать экономическую экспансию. В отличие от китайских государственных компаний, которые реализуют африканские проекты как часть нацио-

нальной стратегии при масштабной государственной поддержке, японский бизнес руководствуется преимущественно коммерческими соображениями и оценкой рисков.

Перспективным направлением становится сотрудничество в области цифровых технологий и инноваций. Африканский континент переживает цифровую революцию, с быстрым ростом проникновения мобильной связи и интернета. Кенийская система мобильных платежей M-Pesa, охватывающая десятки миллионов пользователей, стала глобальным примером финтех-инноваций. Японские технологические компании могут найти новые ниши в этом динамично развивающемся секторе, но пока их присутствие ограничено.

Энергетическая безопасность остается важным аспектом японской заинтересованности в Африке. Несмотря на диверсификацию источников энергии и развитие возобновляемых технологий, Япония продолжает импортировать значительные объемы углеводородов, включая сжиженный природный газ из африканских стран. Нигерия, Ангола, Алжир и Мозамбик остаются важными партнерами в энергетической сфере.

Заключение

Политика содействия международному развитию Японии в Африке за три десятилетия функционирования механизма ТИКАД продемонстрировала как значительные достижения, так и существенные ограничения. Токио удалось создать устойчивую институциональную платформу для диалога с африканскими партнерами, реализовать сотни инфраструктурных и социальных проектов, сформировать позитивный имидж ответственного донора, ориентированного на качество и устойчивость развития.

Японская модель, основанная на партнерстве, передаче технологий и развитии человеческого капитала, представляет альтернативу более транзакционным подходам других внешних игроков. Однако масштабная китайская экспансия, ограниченное участие японского частного сектора и структурные проблемы африканских государств создают серьезные вызовы для эффективности японской стратегии.

В условиях растущей геополитической конкуренции за влияние в Африке Японии необходима дальнейшая адаптация стратегии с акцентом на сферы сравнительных преимуществ. Африка останется важным направлением японской внешней политики, но успех этого курса будет зависеть от способности Токио предложить конкурентную альтернативу другим игрокам, сохраняя приверженность принципам качественного партнерства и устойчивого развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская О.А. О некоторых аспектах эволюции внешней политики Японии / О.А. Добринская // Японские исследования. — 2018. — № 2. — С. 23–37. — DOI: 10.24411/2500–2872-2018-10009.
2. Буланакова М.А. Политика содействия международному развитию стран северо-восточной Азии на африканском континенте в XXI в. / М.А. Буланакова // Управленческое консультирование. — 2015. — № 11 (83). — С. 142–156.
3. Ohno K. The History of Japanese Economic Development: Origins of Private Dynamism and Policy Competence / K. Ohno. — 2017. — DOI: 10.4324/9781315444048.
4. The Second Tokyo Conference on African Development (TICAD-II). African Development Towards the 21st Century: The Tokyo Agenda for Action // United Nations: [сайт]. — URL: <https://www.un.org/esa/africa/ticad2.html> (дата обращения: 01.12.2025).
5. Japan pledges \$32 billion aid for Africa to boost investment // Reuters. — 01.06.2013. — URL: <https://www.reuters.com/article/business/japan-pledges-32-billion-aid-for-africa-to-boost-investment-idUSBRE95002H/> (дата обращения: 01.12.2025).
6. Исибаси М. Неворуженный нейтралитет / М. Исибаси; пер. с япон. Б.П. Лаврентьева, Л.З. Левина. — М.: Прогресс, 1984. — 264 с.
7. Keitany P. The African Union Mission in South Sudan: A case Study of South Sudan: research project submitted in partial fulfillment of the Degree of Master of Arts in International Studies / P. Keitany; supervisor Dr. W. W. Wairimu; University of Nairobi, Institute of Diplomacy, and International Studies. — Nairobi, 2015. — 74 p.
8. Gill T.D. The Use of Force in the Wider Legal Landscape / T.D. Gill, K. Tibori-Szabó // The Use of Force and the International Legal System. — Cambridge University Press, 2023. — P. 247–390.
9. Kolmaš M. Japan's Security and the South Sudan Engagement Internal and External Constraints on Japanese Military Rise Reconsidered / M. Kolmaš // Central European Journal of International and Security Studies. — 2019. — Vol. 13. — P. 61–85. — DOI: 10.51870/CEJISS.A130103.
10. Barnett S. Growing Institutional Relationships / S. Barnett, Li Xiangming // China's Economic Relations with Africa. — Washington: International Monetary Fund, 2016. — P. 34–52.
11. Kuo L. Kenya's \$3.2 billion Nairobi-Mombasa rail line opens with help from China / L. Kuo // Quartz: [сайт]. — 2022. — 20 July. — URL: <https://qz.com> (дата обращения: 01.12.2025).
12. Ganapathy N. India widens diplomatic footprint amid growing diaspora and political ambitions / N. Ganapathy // The Straits Times. — URL: <https://www.straitstimes.com/asia/south-asia/india-widens-diplomatic-footprint-amid-growing-diaspora-and-political-ambitions> (дата обращения: 01.12.2025).
13. Illicit financial flows cost Africa \$88 billion annually // Global Health Justice / University of Washington. — 2025. — 11 Sept. — URL: <https://depts.washington.edu/globalhealthjustice/illicit-financial-flows-cost-africa-88b-annually/> (дата обращения: 01.12.2025).
14. Филиппов В.Р. Кризис в Нигере: причины и последствия военного переворота 2023 года / В.Р. Филиппов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. — 2024. — Т. 15, № 2. — С. 147–170. — DOI: 10.31862/2500–2988-2024-15-2-147-170.
15. Stanley A. African Century / A. Stanley // Finance & Development. — 2023. — September. — P. 16–18. — (F&D Picture This).

© Тимохова Екатерина Григорьевна (timokhova.catherine@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»